

СЯНЬБИ И ЮЖНАЯ СИБИРЬ

В мировом и отечественном востоковедении прочно утвердилось мнение о важной роли в этнокультурогенезе монгольских народов племён сяньби, обитавших в Центральной и Восточной Азии в первой половине I тыс. н.э., которое опирается на китайскую летописную традицию. Первостепенное значение для этой темы имели переводы на русский и европейские языки китайских источников, в которых содержатся сведения о происхождении, истории и культуре племён сяньби. На русский язык эти источники переведены Н.Я. Бичуриным, Н.В. Кюнером, В.С. Таскиным.¹ Анализ и интерпретация этих сведений, реконструкция последовательности исторических событий, в которых принимали участие племена сяньби, в особенности, их отношения с хунну и Китаем, затрагивались во многих трудах, посвящённых истории Центральной Азии. Среди них заметным явлением была работа Г.Е. Грумм-Гржимайло, выделившего «сяньбийский период» в истории Центральной Азии.² Сведения о взаимоотношениях хуннов и сяньбийцев систематизированы в книгах Л.Н. Гумилёва.³ Роль сяньби в этногенезе монгольских народов подробно рассмотрена Л.Л. Викторовой.⁴ По её мнению, роль сяньбийцев в истории Центральной Азии «чрезвычайно велика».⁵ Из работ, вышедших в последние годы необходимо отметить разделы, посвящённые этнической истории, общественному устройству и социальным отношениям у сяньбийцев в трудах В.С. Таскина, М.В. Воробьёва, Е.И. Кычанова.⁶

В исторической литературе зарубежных стран сяньбийской проблематике также уделено значительное внимание. В трудах китайских и японских исследователей анализировались сведения письменных источников о сяньби. В последнее десятилетие всё большее значение для изучения данной темы приобретают работы китайских археологов на территории Внутренней Монголии и соседних провинций северного Китая, которые идентифицировали с культурой племён сяньби исследованные ими памятники первой половины I тыс. н.э.⁷

Свой вклад в разработку этой темы внесли и монгольские учёные. В работах Г. Сухбаатора племена сяньби и хунну рассматриваются как подразделения единой дуально-фратриальной организации, протомонгольской по своей этнической принадлежности.⁸ Этому автору принадлежит неудачная попытка выделения памятников сяньбийской культуры на территории Монголии. Он безосновательно отнёс к сяньбийскому времени антропоморфные скульптуры из Дариганги.⁹ Как было убедительно доказано Д. Баяром эти памятники относятся к юаньской эпохе.¹⁰

Отсутствие данных об археологической культуре племён сяньби негативно сказывалось на реконструкции процесса культурогенеза не только на территории Монголии, но и Забайкалья, что приводило к попыткам отдельных исследователей заполнить имеющуюся лауну на основании косвенных признаков, отличающих отдельные памятники от «классических» хуннских. Е.В. Ковычев, на основании таких отличий, отнёс к культуре сяньби несколько захоронений, исследованных в Восточном Забайкалье в разные годы.¹¹ Л.Л. Викторова отнесла к числу сяньбийских некоторые городища Восточной Монголии, отличающиеся от типично хуннских, ориентацией стен по странам света.¹² Разумеется, такие отличия, сами по себе, не могут свидетельствовать о сяньбийской принадлежности памятников.

Важную роль в идентификации конкретных памятников на территории Центральной Азии с культурой сяньби мог бы сыграть сравнительный анализ с комплексами, изученными в Китае. Однако, материалы раскопок сяньбийских памятников на территории Китая остаются малоизвестными для специалистов из других стран. Отдельные сведения о погребальных памятниках сяньби, раскопанных в Китае содержатся в работах Г. Мэнса и М.В. Воробьёва.¹³ Приведённые данные, по необходимости очень краткие, дают некоторое представление о погребальном обряде и сопроводительном инвентаре сяньбийских могильников, но не могут служить основой для сравнительного анализа. Отдельные находки из сяньбийского могильника Лаохэшэнь воспроизведены в статье М.В. Горелика.¹⁴ Разумеется, эти предметы не могут характеризовать предметный комплекс сяньбийской культуры в полном объёме, и задача её характеристики остаётся актуальной.

Что касается вопроса о взаимодействии племён и государственного объединения сяньби первых веков н.э. с населением Южной Сибири, то со времени выхода в свет работы В.В. Бартольда утвердилось мнение, что сяньби не сыграли никакой роли в этнокультурогенезе южносибирских кочевников. Приведя сведения китайских источников о борьбе сяньбийского вождя Таньшихуа с динлинами, он предположил, что речь должна идти о столкновениях с их южными соседями, гяньгунями - кыргызами.¹⁵ Аналогичным образом представляет ситуацию в Центральной Азии в период возвышения сяньби Л.Р. Кызласов. Свидетельство источника о том, что Таньшихуай «на севере остановил динлинов», он считает доказательством в пользу того, что «динлино-гяньгуньские племена» воевали с сяньбийцами в Центральной Азии и сяньбийцы «не захватили Хакасско-Минусинской котловины».¹⁶ Археологические материалы таштыкской культуры также не свидетельствуют о каких-либо изменениях, что было бы неизбежно в условиях сяньбийского завоевания. В дальнейшем Л.Р. Кызласов уточнил, что сяньбийцам не удалось захватить не только

Минусинскую котловину, но и Туву, где «никаких изменений в это время не произошло».¹⁷ В то же время С.И. Вайнштейн допускал, что динлины, в том числе кочевое население Тувы, после разгрома северных хуннов могли попасть в зависимость от сяньбийцев.¹⁸ М.И. Рижский предполагал, что владения сяньби на западе простирались «чуть ли не до Урала».¹⁹ Археологи, изучавшие памятники хунно-сарматского времени в Туве, Горном Алтае и Минусе отмечали влияние южных, центрально-азиатских кочевников на этногенез и культурогенез местных саяно-алтайских племён, при этом почти единодушно отождествляли их исключительно с хуннами, или зависимыми от хуннов племенами.²⁰ Д.Г. Савинов констатировал, что памятники сяньбийцев в северных районах Центральной Азии не выявлены.²¹ Мнение Л.Н. Бернштама о принадлежности сяньбийцам Оглахтинского могильника в Минусе, он счёл маловероятным.²² Для подобных выводов у специалистов по археологии Южной Сибири были известные основания, поскольку памятники культуры сяньби, исследованные в Китае оставались им практически недоступны. Безусловно, это осложняло решение важных вопросов этнокультурогенеза кочевников Центральной Азии. В настоящее время имеется возможность охарактеризовать основные элементы сяньбийской культуры по материалам исследованных в Китае археологических памятников. Это позволит провести сравнительный анализ с погребальной обрядностью и сопроводительным инвентарём синхронных культур Саяно-Алтая, уточнить их хронологию и определить характер контактов местных кочевников с сяньбийцами.

Сведения письменных источников о пределах западной экспансии сяньбийцев очень лаконичны. Они относятся ко времени правления Таньшихуая. В середине II в. н.э. Таньшихуай «на севере отразил динлинов», а на западе «нападал на усуней» и овладел всеми бывшими хуннскими землями, простиравшимися с востока на запад на 14 тысяч ли.²³ В другом источнике сказано, что владения Таньшихуая составляли 12 с лишним тысяч ли с востока на запад и 7 тысяч ли с юга на север.²⁴ Свои владения он разделил на три аймака. Западный аймак включал земли до г. Дуньхуан и земель усуней в Притяньшанье. В его состав было включено 20 кочевий во главе со старейшиной, который подчинялся Таньшихуаю.²⁵ Это деление соответствовало прежнему делению Хуннской державы.²⁶ Вероятнее всего, сяньбийская экспансия в западном направлении была продиктована стремлением контролировать торговые пути и подчинить своему влиянию кочевые племена северных районов Центральной Азии. Кочевники Саяно-Алтая могли контактировать именно с западным аймаком сяньбийского объединения.

На данной территории обнаружены отдельные памятники хуннской культуры и элементы её влияния на погребальную обрядность и предметный комплекс местных культур хунно-сарматского времени: улуг-хемской и кокэльской культур в Туве, Тесинского этапа тагарской и таштыкской культуры в Минусе, булан-кобинской и кок-пашской культур в Горном Алтае.²⁷ Однако, сравнительный анализ этих комплексов с материалами из памятников сяньбийской культуры свидетельствует, что ряд элементов предметного комплекса улуг-хемской и таштыкской культур не находит непосредственных аналогий в хуннской культуре, но имеет соответствия в сопроводительном инвентаре сяньбийских могильников. Среди предметов торевтики, относящихся к поясной фурнитуре, обнаруженных в отдельных погребениях на могильнике Аймырлыг XXXI в Туве - бронзовые поясные бляхи с профильным рельефным изображением крылатого коня-единорога; прорезные подвесные бляхи с изображением переплетённых ветвистых оленьих рогов; бронзовые бляшки с изображением вертикально стоящей фигуры копытного животного, вероятно, лани, с головой, повёрнутой назад; бронзовые бляхи с изображением бегущей лошади; парные бляхи и пряжка с изображением парных противостоящих фигур оленей на фоне ветвистых деревьев.²⁸ А.М. Мандельштам и Э.У. Стамбульник относят этот памятник к племенам «сюнну или, что вероятнее, какому-то родственному им племени».²⁹ Изображение единорога они интерпретируют как крылатого коня; парные фигуры оленей - как «геральдически расположенных фигур стоящих цервидов», или быков; прорезные бляхи - как изображение растительного орнамента; бляшки с фигурами ланей с повёрнутой назад головой - как изображение оленей.³⁰

Бронзовая прорезная подвесная бляха с изображением переплетённых ветвистых рогов обнаружена в таштыкской грунтовой могиле на памятнике Салбык в Минусинской котловине. Э.Б. Вадецкая считает её «ажурной бляхой» хуннского типа.³¹ Хотя исследователи Южной Сибири традиционно связывают подобные предметы торевтики с хуннской культурой, в собственно хуннских комплексах аналогичных сюжетов в орнаментации поясной фурнитур нет. В них - традиционные образы скифо-сибирского звериного стиля: кошачьих хищники, грифоны, олени, горные козлы, аргали. Встречаются изображения лошадей, ланей, быков, головы животных и сцены терзания. Изображения животных в хуннской торевтике выполнены в особой стилистической манере.³² По репертуару и стилю изображений аймырлыгские и салбыкская бляхи, безусловно, отличаются от хуннских. Однако, подобные предметы торевтики представлены в поясной и сбруйной фурнитуре в составе сопроводительного инвентаря сяньбийского могильника Лаохэшэнь, исследованного китайскими археологами в провинции Гирин. В могильнике Лаохэшэнь обнаружены парные массивные бронзовые бляхи прямоугольной формы и с расширенным округлым краем, орнаментальное поле которых занято профильным рельефным изображением крылатого коня-единорога. Изображение единорога имеется и на округлых подвесных бляхах, которых в Южной

Сибири пока не обнаружено. В могильнике Лаохэшэнь найдены и прорезные бляхи со стилизованными изображениями оленьих рогов, аналогичные аймырлыгским и салбыкским. На этом памятнике обнаружены бляшки с фигурой стоящей лани с повёрнутой назад головой, подобные аймырлыгским (Рис.1,2). Имеются в памятниках сяньбийской культуры и бляхи с изображением бегущей лошади. Многие лаохэшэньские бляхи с изображениями животных, как и южносибирские, покрыты позолотой.³³ Набор предметов торевтики из могильника Лаохэшэнь разнообразнее, чем в синхронных памятниках Южной Сибири. В этом памятнике найдены узкие бронзовые орнаментированные пластины со шпеньком-заклёпкой и крюком в виде головы змеи; пластины-поножи с двумя петлями и гравированными изображениями извивающихся драконов и профильное изображение идущей птицы. На одной поясной бляхе изображён тигр в прыжке, с раскрытой пастью. На узкой бронзовой пластине имеются профильные изображения идущих онагров. В материалах сяньбийской культуры имеются бляшки в виде профильных рельефных изображений лежащих лошадей. Особого внимания среди персонажей орнаментации сяньбийской торевтики заслуживает изображение единорога. Как отметил С.А. Комиссаров, изображение крылатого коня-единорога находит соответствие в упоминаниях китайских источников о поясных пряжках с изображением «благовещего зверя», согласно легенде прошедшего сяньбийцев через суровые испытания.³⁴ Бронзовые позолоченные бляшки с профильным рельефным изображением крылатого коня-единорога, помимо Лаохэшэня найдены и в могильнике Чжалайнор.³⁵ Находка бляшки с изображением единорога в могильнике Аймырлыг в Туве свидетельствует о распространении подобных сюжетов на торевтике далеко за пределами основного района распространения сяньбийской культуры.

Сравнительный анализ погребальной обрядности и состава сопроводительного инвентаря сяньбийских и южносибирских памятников затруднён тем, что материалы могильника Аймырлыг ХХХI и Салбык, в отличие от памятника Лаохэшэнь изданы суммарно.³⁶ Поэтому трудно сказать, имеются ли на этих памятниках погребения сяньбийцев.

Среди опубликованных типов погребений могильника Аймырлыг и таштыкских грунтовых могил нет аналогичных лаохэшэньским захоронениям сяньбийского времени. Вероятнее всего, южносибирские памятники принадлежат местным кочевым племенам, испытавшим влияние сяньбийской культуры во II-III вв.н.э. По-видимому, в этот период кочевники Минусы и Тувы входили в состав сяньбийской кочевой державы. Поэтому местная кочевая знать ориентировалась на престижные элементы военно-дружинной культуры господствующего сяньбийского этноса, переняв от него новые формы воинского убранства и вооружения. Вероятно, через посредство сяньбийцев на Верхний и Средний Енисей в этот период попадали и китайские импортные предметы. Возможно, что в дальнейшем, после полной публикации аймырлыгских и салбыкских материалов, в результате детального сравнительного анализа с лаохэшэньским и чжалайнорским комплексами удастся выделить сяньбийские памятники в Южной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М., - Л., 1950.- Ч. I. - С. 149-159; Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.- М., 1961.- С. 142-150; Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху.- М., 1984. -С. 70-86.
2. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край.- Л., 1926.- Т. 2.- С. 141.
3. Гумелёв Л.Н. Хунну.- М., 1960.
Гумелёв Л.Н. Хунны в Китае.- М., 1974.- С. 31-34.
4. Викторова Л.Л. Монголы.- М., 1980.- С. 125-130.
5. Там же. С. 129.
6. Таскин В.С. Материалы по истории ... С. 23-25, 40-46; Воробьёва М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия с древнейших времён до IX в. включительно.- Владивосток, 1994.- С. 215-227; Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров.- М., 1997.- С. 54-59.
7. Воробьёва М.В. Маньчжурия ... С. 215-227.
8. Сухбаатар Г. К вопросу об этнической связи между хунну и сяньби // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века.- Новосибирск, 1975.- С. 15.
9. Сухбаатар Г. Сяньби. – Улаанбаатар, 1971.- Зур. 12, 13.
10. Баяр Д. Каменные изваяния из Сухэ-Баторского аймака // Древние культуры Монголии.- Новосибирск, 1985.- С. 158.
11. Ковычев Е.В. К вопросу о памятниках сяньби в Восточном Забайкалье // Проблемы археологии степной Евразии.- Кемерово, 1987.- Ч. II.- С. 147-148.
12. Викторова Л.Л. Монголы... С. 127-128.
13. Мэнэс Г. О соотношении одного погребального обряда хунну и дунху в свете археологических и этнографических данных // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии.- Новосибирск, 1993.- С. 31; Воробьёв М.В. Маньчжурия ... С. 223-227.
14. Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока.- Новосибирск, 1993.- Рис. 1, 2; 9, 4.
15. Бартольд В.В. Кыргызы // Сочинения.- М., 1963.- Т.II.- Ч. I.- С. 478.

16. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины.- М., 1960.- С. 193-194.
17. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века.- М., 1984.- С. 22.
18. История Сибири.- Л., 1968.- Т. I.- С. 257; История Тувы.- М., 1961.- Т.I.- С. 54.
19. История Сибири... С. 252.
20. Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время.- М., 1992.- С. 198; Пшеницина М.Н. Тесинский этап // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. - М., 1992.- С. 234; Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла.- Барнаул. 1985.- С. 189; Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху- Л., 1984. С. 15.
21. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири ... С. 22.
22. Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов.- Л., 1951.- С. 46-47.
23. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М., Л., 1950.- Ч.I.- С. 154; Кюнер Н.В. Китайские известия ... С. 144; Таскин В.С. Материалы по истории... С. 75.
24. Кюнер Н.В. Китайские известия ... С. 145.
25. Там же. С. 145; Таскин В.С. Материалы по истории ... С. 76.
26. Таскин В.С. Материалы по истории ... С. 312; Прим. 35.
27. Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири II в. до н.э. – V в. н.э.- Новосибирск, 1993.- С. 14-17.
28. Стамбульник Э.У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (некоторые итоги работ) // Древние культуры евразийских степей.- Л., 1983.- С. 39; Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы ... С. 200.
29. Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы ... С. 198.
30. Стамбульник Э.У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве ... С. 39; Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы ... С. 200.
31. Вадецкая Э.Б. Таштыкская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время.- М., 1992.- С. 241.
32. Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время.- М., 1992.- С. 266.
33. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время.- М., 1992.- Рис. б/№ между с.с. 176, 177. Аймырлыг. Берестяная фигурка, клык с изображением хищника, золотые бляшки с изображением животных, костяные фигурки горного барана и гребни.
34. Комиссаров С.А. Сяньбэй – «племя единорога» // Международная конференция 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен.- Улан-Удэ, 1996.- Ч. I.- С. 31-33.
35. Там же. С. 32.
36. Стамбульник Э.У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве ... С. 34-39; Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея.- Л. 1986.- С. 153.

**СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СТАТЬЕ
ХУДЯКОВА Ю.С., АЛКИНА С.В., ЮЙ СУ-ХУА**

Рис.1. Предметы сяньбийской торевтики в памятниках Южной Сибири. 1 - 8 – Аймырлыг XXXI.

Рис.2. Предметы торевтики из сяньбийского могильника Лаохэшэнь.

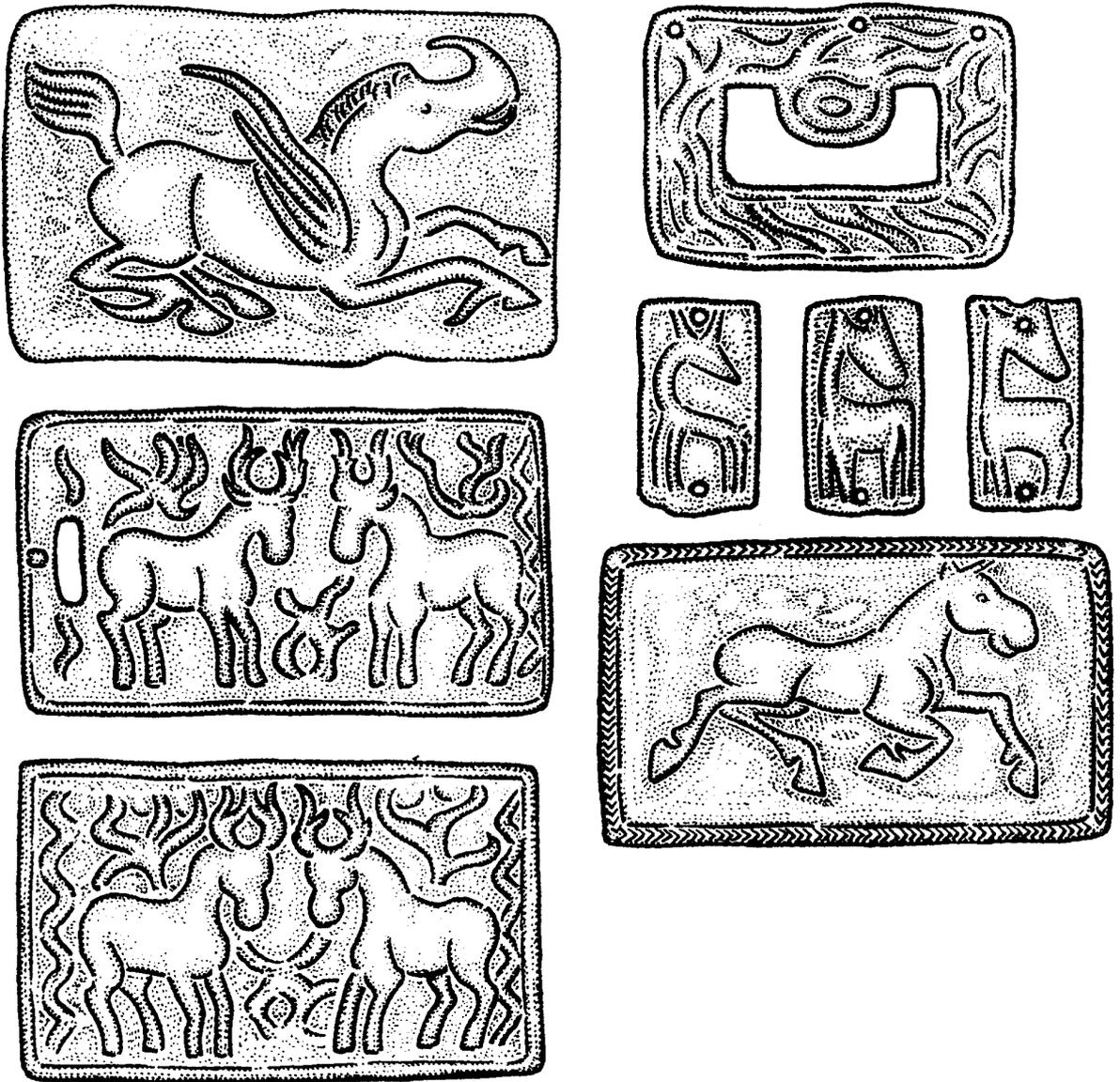

Рис.1

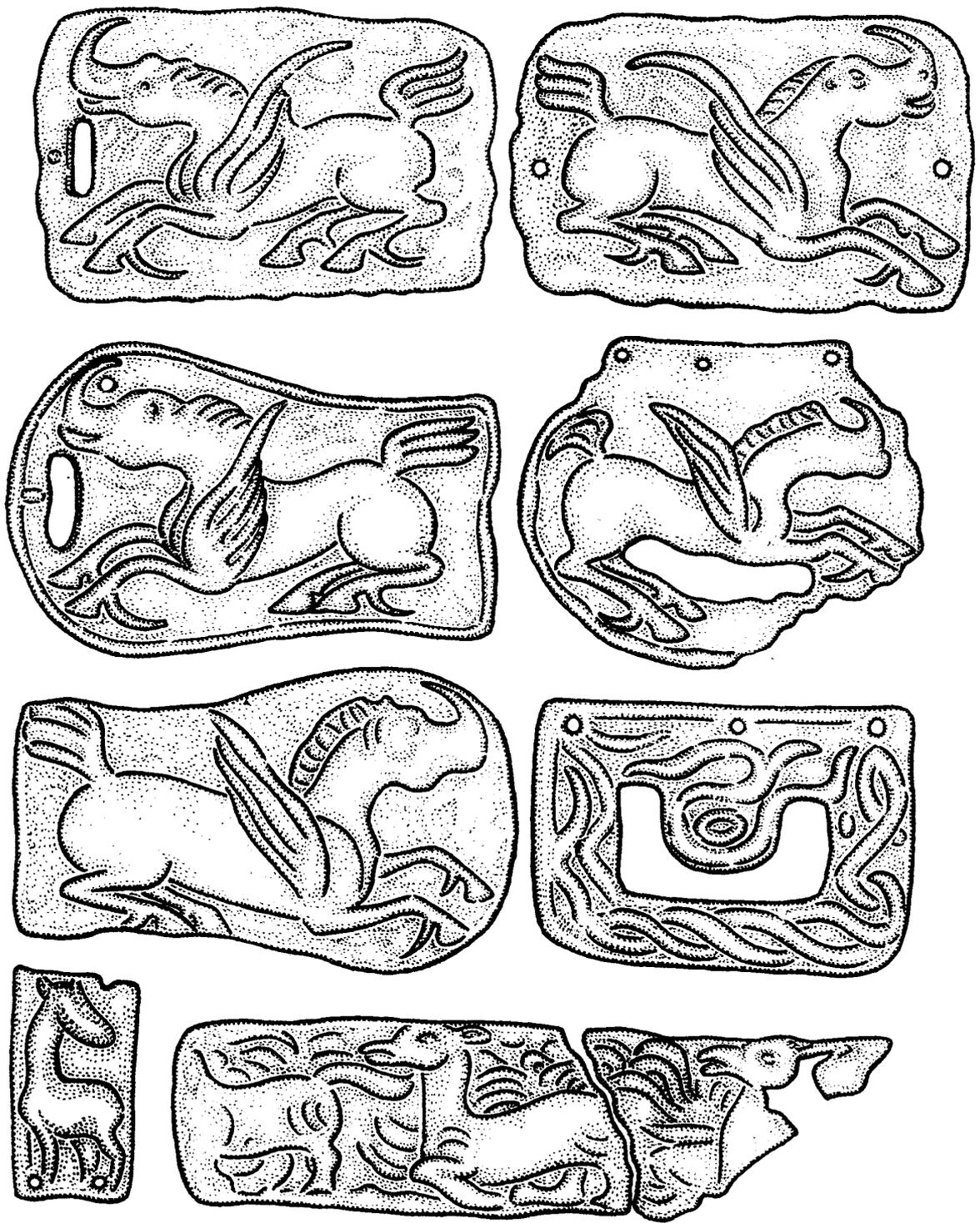

Рис.2